

ГУК «Сенненская централизованная библиотечная система»
Сенненская центральная районная библиотека

Война в судьбе моей семьи

сборник воспоминаний о Великой Отечественной войне
жителей Сенненского района

2016

Война в судьбе моей семьи: сборник воспоминаний о Великой Отечественной войне / сост. О.Д. Прокопович; компьютерная вёрстка Л.С. Кулик; отв. за выпуск Е.И. Метелица.— ГУК «Сенненская централизованная библиотечная система», 2016

Предисловие

... Но память возвращается к живущим.
Приходит память, чтобы многократно
Перехлестнуть календари обратно.
Она в ночи плывёт над головами
И говорит неслышными словами
О времени
Суровом и великом.

Р. Рождественский.

Прошло много лет, как закончилась Великая Отечественная война. Давно отгремели бои на полях сражений. Залечила свои раны земля. Только не зарастают раны у тех, кто пережил годы войны, кто воевал, кто ковал победу в тылу, кто потерял своих родных и близких в то страшное время.

Вряд ли найдется семья, через судьбу которой не прошла бы война. У каждого из нас есть родители, дедушки, бабушки, есть родные, близкие и дальние родственники, чьи жизни своим дыханием опалила война. С каждым годом все меньше и меньше остаётся непосредственных участников войны, тружеников тыла, тех, кто может рассказать о войне. И тем дороже нам воспоминания людей переживших ту войну.

Мы не вправе допустить, чтобы прервалась связь поколений, чтобы стерлась из памяти народа героическая история нашей Родины. В данном сборнике представлены воспоминания наших земляков о Великой Отечественной войне. У кого-то из них война забрала детство, у кого-то – молодость, а у кого-то и жизнь. За каждым именем скрывается своя история, полная страданий и лишений. Каждая история даёт возможность реально, быть может, даже физически почувствовать и представить тяжесть и ужасы войны, драму и трагедию этих людей.

Огромная благодарность всем, кто принял участие в составлении сборника «Война в судьбе моей семьи». Надеемся, что он станет не единственным в своем роде, а лишь началом большого проекта, который наполнит новыми красками историю долгой дороги к Победе.

Атрошкин Константин Фёдорович (д.Синегорская)

Родился в августе 1928 года в д. Старь Сенненского района. Война не обошла стороной мою семью и родственников. В начале Великой Отечественной войны я находился в Ленинградском ремесленном училище №16. Нас сразу же отправили на строительство оборонительных сооружений: копать окопы, противотанковые рвы, валить лес. Мальцам, 13-14 лет, приходилось работать столько часов в сутки, сколько годков в роду. Здесь мы узнали, что такое война: нас бомбили фашистские самолёты. Тяжело было с питанием. А в 1941 году началась 900 дневная блокада. Обстановка сильно осложнилась с приходом морозов. Население Ленинграда, несмотря ни на что, активно помогало фронту. Не оставались в стороне и мы: несли дежурство на улицах, тушили зажигательные бомбы, помогали милиции ловить диверсантов и лазутчиков, которых враг десантировал с самолётов.

Помнится, как после страшной бомбежки были разрушены продовольственные склады, и все продукты смешались с кирпичом, бетоном, землей. От холода и голода людей умирало больше, чем от бомб и снарядов. Из нашей группы в количестве 30 мальчишек в живых осталось 9 пацанов. Я, Семен Слюньков и Михаил Тимошенко держались вместе. Это возможно и помогло выжить. Снабжение несколько улучшилось, когда была налажена «Дорога жизни» через Ладожское озеро. Но реально это улучшение почувствовали разве что войска переднего края.

В январе 1943 года блокада была прорвана на узком участке вдоль Ладожского озера. В эту брешь устремились, на переформирование, воинские подразделения, которые уже и боевыми единицами назвать было сложно. В некоторых практически не оставалось личного состава. Примкнули к одному такому подразделению и мы. Командир его, капитан Углев, был родом из Могилёвской области. Мы представляли собой жалкое зрелище: кожа да кости, впалые глаза, вытянутые носы, оборванные, как огородные чучела. Видимо это и вызвало у него сочувствие к землякам. Остановились в Краснодарском крае, в станице Староминская, где и была сформирована стрелковая морская бригада. Вскоре немцы начали наступление на Северный Кавказ. Довелось отступать аж до Горячего Ключа.

Далее были форсирование Днепра, тяжелое ранение в ногу, госпиталь в Ахтынке Сумской области. Подлечился. Окончил ускоренный выпуск школы младших командиров. И начался поход на запад. В Польше встретился с родным братом Павлом, который воевал уже в звании капитана. Он договорился с командирами о моём переводе в свое подразделение. Вместе участвовали в Берлинской операции. Нелегко приходилось и в первые послевоенные годы. Я не искал, где можно отсидеться за чужой спиной, ни в мальчишеском возрасте на фронте, ни после войны. Об этом говорят и многие правительственные награды: Орден Отечественной войны I степени, медали

«За отвагу», «За взятие Берлина». Но я воевал не ради медалей, а ради жизни на земле.

Березко Надежда Сергеевна (д. Синегорская)

Родилась в 1928 году. Война застала в 13 лет. На то время уже была пионеркой. Когда в деревню Гулино пришли немцы и стали требовать одежду, забирать скот – многие ушли в партизанский отряд. Вместе со своими родителями ушла в партизаны и Надя. Все забрали с собой.

В партизанском отряде чистила картошку, вместе со взрослыми готовила обеды. Однажды девочке дали ответственное задание: узнать расположение немцев. Надя смело шла по лесу. Патрульным и в голову не пришло остановить девочку. Возвращалась обратно также «беззаботно», хотя несла важные сведения. Все нужное она запомнила и подробно рассказала командиру.

Бондунова (Сафроненко) Любовь Дмитриевна (г.п. Богушевск)

Я – малолетняя узница. Родилась в д. Грузды. Отец работал конюхом, мама ходила на разные работы, куда пошлют (тогда был колхоз). Я ходила в школу в д. Грузды до 4 класса; учителем был Козыревский с женой, в 5 класс я ходила в школу в д. Буда. Потом началась война и моего отца Сафроненко Дмитрия Игнатовича и его трех братьев Александра, Антона и Емельяна призвали на фронт. Все четверо не вернулись с войны, а мой отец пропал без вести в 1944 году.

В 1943 году к нам пришли немцы, с ними были полицаи и староста Беляев Марк, который служил немцам, второй его сын, Беляев Санька был переводчиком. Мы, молодежь, прятались от немцев в стогах соломы, и нас ловили. У меня был слепой дядя, родной брат моего отца, я к нему в погреб пряталась, когда была первая отправка в Германию. В 1943 году к нам пришли беженцы – 2 девочки, Аня и Соня, и мальчик Ленья. Мы их взяли в семью (у мамы нас было двое – я и моя сестра, которая родилась в войну). Когда об этом узнал староста, пришел к нам и хотел забрать этих деток. Это были дети евреев, но мы не дали их забрать. Мама сказала, что это ее племянники, их родителей немцы расстреляли; а я говорила, что это мои двоюродные брат и сестры. Так они были у нас до конца войны.

В этом же году я заболела сыпным тифом, положили меня в Яново в больницу, лечилась там 2 месяца. Когда выздоровела, дядя привез меня домой, посадил на печку. О том, что я уже дома, узнал староста Беляев и пришел за мной. Говорит: «Слазь с печи!». Я не слезла, заплакала, тогда он взял у немца плетку и стал меня бить. Мама тоже начала плакать. Меня забрали и повели к машине (мне тогда было 17 лет), забрали тогда и Волкову Анну, Русакову Анну, Иваненко Марию и еще из деревни Рябцево Шугальскую Ольгу, и нас всех повезли до Витебска. Это было 13 июня 1944 года.

В Витебске нас пересадили в поезд и повезли до Дрездена, там была пересортировка. Мы из поезда убежали, но немцы нас поймали и заперли в каком – то помещении, допрашивали, почему мы удрали. Мы сказали, что захотели пить и пошли искать воду. Подержали нас там неделю, потом посадили в поезд и повезли до г. Фрайберг. Там нас высадили и повели в лагерь. Дали нам обувь, сделанную из дерева – было в ней очень тяжело ходить. Спали в лагере на двухъярусных деревянных нарах. На голых: ни подушки, ни матраса, ни покрывала. На работу водили под конвоем с собакой. Лагерь был обнесен колючей проволокой в несколько рядов. Возле лагеря была вышка, день и ночь стояли часовые. Работали мы на авиационном заводе, выстругивали что-то для самолётов. И вот у меня никак не получалось выстругать, я наделаю брак, потом несу выбрасывать. Однажды меня поймал немец, взял за ворот, привел в цех, заставил раздеться наголо и лечь животом на цементный пол. Бил меня, пока ему не надоело. А потом повару приказал не давать мне кушать. Но меня наши выручали с которыми я была: сами не доедали, оставляли мне. Кушать давали утром, вечером – голый чай, водичка без хлеба, в обед – баланда, похлебка, «крупина крупину» искала. Хлеб из опилок, грамм, может, 50.

Освободили нас в мае 1945 года Советские войска. Нас немного подкрепили солдаты, и 8 августа повезли домой. Я вернулась в деревню Грузды. Потом нас в Витебске допрашивали в КГБ о том, как мы оказались в Германии. Я два года не показывалась в родной деревне, нас считали предателями! Завербовалась в Витебске на стройку работать. Когда наши документы проверили и выяснили, что мы никакие не предатели и не враги Родины, я спокойно смогла поехать в деревню, помогала маме. А староста с сыном по 10 лет отсидели.

Я все это пишу, чтобы наша не только настоящая, но и будущая молодежь уважала друг друга, стариков, своих родных, учителей, а главное, берегли нашу Родину – Беларусь, которая нам очень дорога. Чтобы вы не видели и не знали того, что мы испытали на себе. Мы жили в страхе, голоде и холоде. Очень вас прошу!

Булычев Владимир Ильич *(г.п. Богушевск)*

Родился 23.05. 1935 года в д. Нижняя Акимовка Жиздренского района Калужской области.

Во время Великой Отечественной войны с сентября 1943 года нас угнали с оккупированной немцами территории в Германию, местечко Грюслаино. Нас, троих детей и мать, привезли на какой- то цементный завод, где круглые сутки горели печи и жгли людей. Но нам по счастливой случайности повезло. На этот завод приехал «бауэр» на лошадях и нашу семью забрал к себе для работы в своём поместье, заниматься сельским хозяйством.

Мама и старшая сестра работали, а я и моя младшая сестра промышляли по - детски на жизнь и пропитание, так как заработка взрослых не хватало. Жили в бараке, где находилось еще восемь таких же семей, как наша. Пробыли мы в Германии до 1945 года, пока не освободили нас французы и в августе 1945

стали отправлять на Родину. В начале сентября мы вернулись домой. Я с младшей сестрой пошел в школу в первый класс.

Во время немецкой оккупации нам хватило всего: и холода и голода. Но наше счастье, мы это пережили.

В Беларусь попал в 1960 году и по настоящее время живу в г.п. Богушевск.

Бураков Степан Алексеевич *(г. Витебск)*

Родился в д. Некрашево. Когда началась Великая Отечественная война, мне было 15 лет. В 17 ушел в партизанский отряд им. Кириллова. Наш отряд насчитывал 150 человек, 2 станковых пулемёта, 4 ручных, 30 автоматов, 80 винтовок, 1 пушка. Действовать приходилось на железной дороге Орша – Лепель.

В 1944 году бригада им. Кирова соединилась с фронтом и продолжала бить врагов. Участвовали в боях на реке Одер, за что был награжден орденом Красной Звезды. Дошел до Берлина и участвовал в его взятии.

Воронов Владимир Борисович *(д. Синегорская)*

В войну мне исполнилось 13 лет. Когда началась война, отец ушел в партизаны. Я тоже ходил вместе с ним и помогал копать окопы. Когда полицаи узнали, где прячутся партизаны, стали кидать гранаты в окопы, мы отступили и переехали всей семьей в деревню Каменку. Там отец продолжал держать связь с партизанами, мать пекла хлеб, варила картошку, помогала партизанам, а отец большую часть находился в лесу. Народники стали делать чистку леса, партизаны скрывались. В лесу полицаи поймали отца и увезли с собой. Мы переехали в Буйничково, где жила старшая сестра. Но матери кто-то сказал, что полицаи подали на нас заявление за то, что мы семья партизан. Сестра сказала: «Не бойтесь, не заберут. Ведь моего мужа уже убили, а папу забрали. Что им ещё от нас надо?» Утром я ушел на село к сверстникам, а в это время приехали полицаи на лошади и забрали всю семью. Когда мне сказали что их забирают, я сначала побежал туда, но меня не пустили люди, я только увидел, как их увозили и махнул им рукой. Мама заметила и мне тоже махнула. Полицаи выдали, что мать готовила еду для партизан, стирала, шила. Их повезли в Сенно. На второй день понесли им передачу, все забрали. А на третий уже ничего не взяли, потому что всех расстреляли. Так я остался скитаться один. У меня оставалась еще одна старшая сестра. Отец удрал с плена через какое-то время и нашел меня. Мы с ним долго скрывались в лесу, жили в болоте на купинах, питались в основном ягодами. Как-то однажды мы услышали русские голоса, долго прислушивались, а потом увидели, что это советские войска. Они нам сказали, что в Буйничково все чисто, не осталось никаких полицаев и немцев, и мы с батькой пошли в деревню. Дом был

сожжен, пришлось строить новый, а пока жили в сараях, на чердаках – где придется. Так и строились. Я помогал отцу работать, косил, пахал. Делал все, что и взрослые.

Вострецова (Аронова) Людмила Матвеевна *(г.п. Богушевск)*

Родилась в г.п. Богушевске 18 сентября 1932 года. Когда началась война, отца призвали в Красную Армию.

В начале июля семья: мама – Галина Иосифовна Аронова, бабушка Эля, дедушка Иосиф и трое детей Люся, Маша и Яша эвакуировались. Бесконечные бомбежки и переформирование поездов закончились, когда они добрались до Марийской АСР. В дороге на одной из станций в суматохе потерялась бабушка Эля. Искали, но не нашли, а поезд двигался дальше...

Дедушку потрясло все происходящее: война, потеря жены, неизвестность о судьбе остальных детей (одна из дочерей жила в Ленинграде, а вторая в Одессе. Они тоже оказались в эвакуации. К счастью, обе семьи пережили войну). Дедушка не смог перенести этого и умер. Там на далёкой Марийской земле его и схоронили.

Маму взяли на работу. Каждый день она отправлялась в лес на заготовку дров. Люсе было 9 лет, но на ее плечах уже лежала забота о младших Маше и Яше, надо было печку вытопить, еду наварить, детей накормить и про маму не забыть. Вот так и пережили войну. А вернулись домой – дома нет. Помогла бабушка, мать погибшего отца, пустила в свой дом, отведя семье половину.

Горнак Мария Прокофьевна *(д. Ског)*

Война застала в 14 – летнем возрасте. Дом сгорел в войну. Передовая линия шла через деревню. У меня были два брата и сестра, – с болью вспоминает Мария Прокофьевна. В 1944 году, когда немцы отступали, они подложили под конюшню бомбу. Младший брат побежал туда и подорвался. А старший, 18 - летний, помогал партизанам, собирал оружие и передавал им.

10 августа 1943 года немцы насильно согнали всех детей, чтобы увезти их в Германию. В Орше было много провожающих людей, и Мария Прокофьевна собралась убежать, возле дверей вагона она увидела, как на мальчика, который тоже хотел убежать, немцы натравили овчарок, и они его разорвали. Мария Прокофьевна вернулась назад в вагон. В четырех вагонах – телятниках везли всех богушевских детей. Везли через Минск, Польшу до Освенцима. А по дороге отцепляли вагоны, когда приехали в Освенцим, то оказалось, всего два вагона с богушевскими детьми. В Освенциме всем сказали построиться и повели в лагерь, а по бокам их охраняли немцы с овчарками. Лагерь был окружен трехметровой колючей проволокой под напряжением, а когда осмотрелись, то оказалось, что лагерь стоял в поле, и рядом не было ни одного

домика. Лагерь был дощатым, нары были в 3 ряда, застеленные соломой, рядом с ними шатры с детьми и стариками. После Мария Прокофьевна подошла к стене и увидела, что там нацарапано гвоздём: «Кто здесь не был, тот побудет, а кто побыл, тот не забудет». Держали их не долго – всего один день, а потом раздалась команда, кто новенький, тому построиться по двое, и идти вдоль нары к двери. Открыли дверь, там было помещение без мебели. В помещении было две надзирательницы с кнутами, одетые как полицейские и 2 бабушки, они были одеты как санитарки. Они прибирали одежду, тех, кто прибывал. Были там и две железные двери, всех их повели туда. Мария Прокофьевна попала в правую дверь, им приказали раздеться. Там была труба, им скомандовали идти туда, но бабушки сказали, чтобы они шли и не трогали баки, а то сгорят, эта труба была под газом. Мария Прокофьевна и ещё одна девочка объединились вместе, и пошли, когда пришли в помещение, стояли вместе. Им было жарко, кто падал, тот сгорал. А прямо была закрытая дверь и ту, в которую их впустили, тоже закрыли. А внизу горели люди: открывался люк, кто туда падал, тот сгорал. Марию Прокофьевну и оставшихся выпустили в другую дверь и приказали одеться. Их одежда была перемешена, они искали одежду, а одевшись, шли к вагонам. Мария Прокофьевна шла и оборачивалась, искала мальчиков, но их нигде не было, а богушевских детей остался один вагон. Их везли в Германию, там их остановили, возле Дорм штата они вышли, их повели в администрацию. Там были люди, которые забирали детей к себе на работу. Её забрал оттуда немец, и повез на пригородном поезде. Приехали они домой, завели в комнату, там была одна кровать, пол гнилой. Они повесили тряпку, чтобы переодеться. Через комнату ходили все. Вставала на работу в 5 часов утра, возвращалась на работу в 10 вечера. У хозяина работали еще два француза и поляк – военнопленные. Тогда я захотела убежать и собралась на вокзал, там купила билет и уже хотела сесть в поезд, но не успела - поймал полицейский и сломал руку дубинкой. Хозяйка отвезла в больницу (2 км по дороге). Позже хозяйка спросила, когда придут американцы и освободят, останется ли она у них или поедет домой. Я сказала, что не останусь. Хозяйка разозлилась и ударила вилами в живот, но не проткнула. Через две недели приехала хозяйкина подруга на коне, хозяйка отдала паспорт, и они поехали в лагерь. Потом пришлось идти 2 км до вокзала, где сели в машину американцев. В лагере Мария Прокофьевна проработала 6 месяцев в столовой. Уезжала последней. Приехала в октябре 1945 года. Сказали, что нужно идти в КГБ (там сейчас ветлечебница) и предоставить справку о том, что она работала в лагере. В общем, пришлось пройти серьёзную проверку, прежде чем дали возможность работать.

Дюндикова Надежда Владимировна (д. Синегорская)

Когда началась война, в 1941, году я закончила 2 класс, немного умела читать, писать и считать. Мне к этому времени исполнилось 10 лет. Сначала немцев у нас никаких не было. Только взрослые все собирались в каком-то доме, совещались, подолгу разговаривали. Так было некоторое время. Потом

мы дети, стали догадываться, о чем совещаются взрослые, что они замышляют. В деревне стали появляться полицаи, они наблюдали за людьми, ходили по домам, что-то расспрашивали, рассматривали дома. Как-то привезли трех человек с Жарцов и Поршнеи это были партизаны, вырыли им яму, и полицаи их расстреляли на виду у всех людей, чтобы люди боялись иметь связь с партизанами.

Но партизанам все равно помогали: прятали, носили им еду в лес, одежду, держали связь. Так продолжалось долгое время. Полицаи за этим наблюдали, разузнавали. Были расстреляны пять человек, которые пришли в деревню, где оказались полицаи и немцы. Партизаны стали убегать в лес, но пули их настигли. Так был расстрелян Горнак Василий из соседней деревни Цыганки. Об этом сообщили его семье, и его мертвого забрали и похоронили в Цыганках. Двое были местными, их также забрали и похоронили родственники. А вот двоих человек – Круглова Николая из Могилевской области и Сороколетова со Смоленской области нашли мы, дети. Взрослые дали нам задание найти партизан, которых расстреляли немцы, и мы ходили по полю, возле кустов – искали погибших. Одного нашли в канаве, а другого недалеко от канавы. Он был весь изуродован пулями. Этих воинов хотели похоронить в д. Буйничково, но потом решили перевезти их в Новое Село, к дороге. Теперь там стоит памятник. 18 апреля 1944 года фашисты и полицаи сожгли пол деревни Буйничково и расстреляли воинов, которых тоже захоронили в Новом Селе.

В 1944 году отца забрали на фронт. Всей семьей мы пошли его провожать в Сенно. Новобранцев построили на одну сторону, а партизан на другую возле теперешнего ресторана. Всех пересчитали, переписали, и все строем пешком пошли на станцию Бурбин к поезду. Оттуда они уехали на фронт. Отца под Кенигсбергом ранили, он долго не писал письма. А я в это время снова стала ходить в школу, которая у нас открылась во время войны. Мне кто-то подсказал написать письмо на имя командира роты, узнать, что с отцом. Мне пришел ответ, все были удивлены, командир писал, что отец ранен и находится в госпитале. Из госпиталя отца направили на Дальний Восток, там он и встретил Победу. В школе в Трубоносах была военная управа. Склеп школьный построили на блиндаже. Когда закончилась война мы в школе садили деревья, парк Победы. Деревья растут и сейчас и выросли уже большие.

Егоров Владимир Дмитриевич *(г.п. Богушевск)*

Я, Егоров Владимир Дмитриевич, родился 24 июля 1925 года в д.Андреново Новгородской области Демянского района. Окончил 6 классов Полковской СШ и стал работать в колхозе. Когда началась война, до прихода немцев, продолжал там работать, всех остальных призвали в армию остались старики, женщины и мы, дети. Все работали не покладая рук. Нас, молодежь, даже посылали на работы, связанные со строительством аэродрома, где-то в 25 км. от д. Эстошно, в сторону д. Демьянка.

Когда закончили строить аэродром, нам дали наряд по укреплению обороны рубежа по берегу озера Селигер. Копали траншеи, танковые рвы,

пулеметные гнезда. Инженер, который руководил этой всей стройкой, называл нас «детсадом». Смеется и говорит: «Как дела, детсад?!» А мы все делали наравне со взрослыми.

Немцы дошли до села Полково и остановились. Наша деревня тоже была занята, но первое время у нас немцев почти не было, а заняли ее в конце сентября 1941 года.

В январе 1942 года с одной стороны наши войска отодвинули фронт, и наша деревня стала в двух километрах от линии фронта. Наша деревня несколько дней оставалась нейтральной зоной: то наша разведка придет ночью, то немцы. И все-таки ее заняли немцы, стали копать окопы, ставить землянки вокруг деревни, а нас заставляли вырубать кустарник. И так продолжалось где-то до мая 1942 года. В мае молодежь собрали и увезли в Германию, город Бидекайм был сборным пунктом. Там нас мыли в бане, газифицировали одежду, а потом приезжали хозяева, которым нужна была рабсила. Я попал в лагерь №1 Конверсхайм «Нойбаум Штутгарт 2». Так называлось строительство. Там было два барака и полицейский пост – это была зона для русских. А рядом три барака, где жили поляки, чехи, голландцы, но они жили свободно.

Наш лагерь относился к железной дороге и все, кто там был, работали на ней.

12 апреля 1945 года нас освободили американские войска. Собрали всех в военном городке Людвигсбург. Затем нас погрузили в вагоны и стали отправлять на родину, довели до Эльбы. Там железная дорога была разбита, и через Эльбу переходили пешком, где был сделан неширокий мост. Посреди моста была белая полоса. С одной стороны стоял американский солдат, с другой – советский. Собрали в г. Риза, там на лошадях перевезли в г. Штригау. Затем нам сказали добираться домой кто как хочет. Но потом опять объявили, что всех мужчин 1905 – 1925 рождения призывают в армию. Собрали в г. Лейпциге дивизию. Нас определили в 838 –й Краснознаменный 1-й полк, выдали винтовки, по 10 патронов и сказали: «Пойдем до Львова пешком». Шли до Львова через Краков, марш бросок ежедневно 50- 60 км. И так дошли до назначенного места, стояли около недели. Потом поступила команда строиться. Мы выстроились, нас проверили по списку. Затем приказали гражданским выйти из строя и стать в другой строй. Опять проверили по фамилиям. Военнопленных оставили на месте, а нас погнали дальше, а куда – не говорят. Нас встретили войска и приняли по списку, всех снова зарегистрировали и по группам разослали по своим областям. Домой прибыл 28 августа 1945. В марте 1946 года переехал в Беларусь и живу здесь по сей день.

Игнатьева Вера Александровна *(г.п.Богусевск)*

Родилась я в 1937 году в д. Дрозды Витебской области Суражского района. Мои родители работали на льнозаводе в д. Новка. Большую часть времени я проводила у своей бабушки. Когда началась война, мне было 4 года. Помню, когда уходил на фронт отец, а вскорости и мои старших двое братьев, которым было 15 и 17 лет. Через некоторое время нашу и близлежащие деревни

окружили немцы. Деревни стали эвакуировать. По несколько семей грузили в машину, в том числе и нашу семью и отвозили в Сураж. Находились мы там в окопах под стражей у немцев. Питались тем, что сами находили. Так продолжалось где-то около года. Мне было 5 лет, а брату 2, когда нас увезли в лагерь, куда – не помню. Помню стрельбу, жуткий страх, голод и холод. Была очень большая смертность. Большинство умирающих - старики и дети. Дети заболели коклюшем, холерой, тифом и умирали. Это было очень больно и страшно, но помочь им никто не мог..

Там у меня умер брат от коклюша. Ему не было и трех лет. Затем нас отправили в Германию, поселили в сараях. Мы и наши родители все работали: кормили свиней, доили коров... Так мы отмучались до конца войны. Домой добирались своими силами. Мы были рады окончанию войны.

Можно много чего написать про эту страшную и незабываемую войну. Не дай Бог повториться этому вновь. Пусть всегда будет мир и чистое небо над головой.

Конькова Надежда Ивановна (д. Синегорская)

Жили мы до войны в Лезненском районе, в д. Ширкино. Когда началась война, там мы ее и встретили. Мне было 14 лет, я только закончила 4 класса. В семье кроме меня был брат Серёжа, ему было 10 лет и сестра Валя, ей было 5 лет. До начала войны брат закончил 2 класса. Так как я была самой старшей в семье из детей, вся работа в основном ложилась на мои плечи, много помогала матери, а отца забрали на фронт.

В деревне находились немцы, в 1943, когда немцы стали отступать, сожгли нашу деревню. Жителей всех немцы захватили и погнали в другую деревню – Стасево. Ночью, когда нас туда вели, некоторым жителям удалось убежать и скрыться. Некоторым не повезло: замеченных немцы расстреливали. Мама боялась убежать – с ней были мы, дети. Так все и дошли до Стасева. Оттуда нас немцы погрузили в машины и повезли на станцию, там нас посадили в товарные вагоны и мы доехали до г. Барановичи, куда ехали – никто не знал. Там нас пересадили на другой товарный поезд, народа было очень много, тесно.

Ехали мы очень долго, привезли нас в Германию в какой-то город, я не помню. Там нас стали переписывать. Мама была неграмотная и все очень переживала, чтобы нас записали правильно. Когда нас переписали, то опять разделили куда кого и повезли снова в товарных поездах дальше. Так мы приехали в город Эльстейберг, или Эстеберг. Это где – то в Саксонии находится. Всех загнали в бараки и расселили по 25 человек. Мама всегда за нас беспокоилась, чтобы мы не потерялись и были с ней. Работали на фабрике мама, я и брат Сережа. Там работали и дети 10 лет по 8 часов. Я сначала работала по 2 смены, потом по три, а последний месяц по 12 часов. Мама работала все время по 12 часов в кислотном цеху. Я с братом на третьем этаже, где мотали шпули. В этом цеху мастерами были три немца, фабрика выпускала вязкие нитки. Брат немного поработал, заболел и его отправили в другой город, там он умер. Вернее его сожгли. Мы его больше не видели. Сестра Валя

умерла в нашем бараке, и в ту же ночь умер еще один мальчик, их похоронили на немецком кладбище в одной могиле.

Мы с матерью вернулись домой. Позже, куда бы я не писала, сведения о нашем нахождении в плену не смогли найти. Нас освобождали Американские войска. Месяц после освобождения мы жили у них. Потом нас всех перевезли к русским войскам, там нас тоже переписывали. Не знаю, где мы с мамой затерялись. Вернулись только вдвоем. Сережа и Валя остались там, в могиле. Лагерь в том городе может уже и нет, но фабрика, я думаю, стоит на своём месте.

Конец Варвара Денисовна *(д.Синегорская)*

Когда началась война, мне было 33 года. У нас росли две малолетние дочки. В деревне было много полицаев, мужа забрали в плен, я долго плакала, просила, чтобы не убивали из-за маленьких детей. Мужа отпустили, но забрали работать в полицию. Я помогала партизанам: варила картошку, пекла хлеб, штопала, передавала кое-какие сведения про немцев, которые приносил муж от полицаев так у нас была налажена связь с партизанами. Когда про это узнали немцы, то выгнали меня из дома с детьми и хотели расстрелять. Но как-то удалось отомолиться. Переехали в другую деревню. Сюда приехали ко мне партизаны, забрали мужа. Он запрег коня, у нас был свой конь, и уехал. К этому времени у меня родилась еще девочка. Как уехал муж, я его больше не видела никогда и ничего не знаю как он погиб, хотя ждала очень долгое время с войны. Когда закончилась война, приходили мужья с фронтов, а мой так и не вернулся, как я не просила Бога, как ни молила, мне не суждено было больше с ним встретиться. Когда девочке исполнилось 4 месяца, она заболела, лекарств не было. Как я не боролась с ее болезнями так и не спасла..

Мне приходилось очень много работать, ведь надеяться было не на кого, а приходилось растить детей, они же ни в чем не виноваты, что война так жестоко распорядилась моей судьбой. Я жала пшеницу, косила, пахала, приходилось спать по 4-6 часов – нужно было работать. Домик у нас был старый, ветхий и я решила построить дом. Сама ездила заготавливать лес, вытягивала его на конях. Тяжелые бревна поднимала, строила, приходилось работать и с топором, и с косой, и с плугом. Выполняла всю и мужскую, и женскую работу.

Дети подрастали. Старшая закончила 10 классов в Сенно и уехала в город. А младшая осталась со мной, закончила 8 классов и пошла работать на птичник, долго работала здесь, а потом вышла замуж и тоже уехала, и мне пришлось одной доживать свой век. Дети все в городе, живут очень далеко в России, приезжают редко. Я сейчас болею, очень болят ноги, мне 95 лет, а я всё живу, наверное, сильно закалилась в жизни, что организм такой крепкий, хотя ноги давно не хотят ходить.

Кучко Ольга Андреевна (д. Козловка)

Родилась 6 июля 1917 года в д. Козловка. Окончив 8 классов поступила в Оршанское педагогическое училище. Получила диплом учителя начальных классов. Работала учителем в Красносельской начальной школе. В 1937 году вышла замуж за председателя колхоза. Когда началась война, муж ушел в партизаны. Через некоторое время пришла в отряд партизан и я. Отряд находился в д. Ульяновичи, возглавлял его А.Н. Чорный. Всю войну мы с мужем прошли бок о бок, заслужили немало наград. Наверное, это и помогло выжить.

После войны продолжила работу учителя, родила детей, а после выхода на пенсию продолжила работать в родной школе, но уже в качестве повара.

Матюшко Владимир Ефимович (д. Яново)

Родился 17 июня в 1933 г в г. Витебске. Отец – Ефим Емельянович – участник Великой Отечественной войны, мама – Федосья Ивановна. К началу войны в семье было шестеро детей. Когда началась война, отступили до Высочан, потом вернулись в Старобылье. Жили в доме, в котором прежде была школа. В нем жили и немцы. Однажды ночью (1942г) на деревню напали партизаны, после этого немцы в школьный дом не возвращались.

Летом 1943 года нашу семью забрали немцы. Жили в 300 м от шоссе Орша – Витебск. Потом посадили на телегу и повезли в Германию. За Оршей пересадили в эшелон и повезли дальше. К счастью нашу семью не разлучили. Оказались в лагере «Лесном», где проходила перетасовка. Стояла глубокая осень, начался тиф. Нас, как маленьких и не пригодных для работы, погрузили на телеги и повезли на расстрел. Но на обоз в лесу напали партизаны. Был бой. Мы с мамой убежали и несколько дней прятались в лесу. Потом партизаны вывели нас в деревню. В этой деревне мы и жили до освобождения. Освобождение пришло в июле 1944 года. Мы возвратились к родственникам в д. Яново, как семье офицера нам дали домик, где мы дождались Победы. Приехал отец, получил назначение - директора Стабновской школы и забрал нас. В 1949 г. я уехал учиться в Минск. Когда призвали в армию, попал служить на Урал в авиацию, а после службы в армии вернулся на Родину в Богушевск.

Мельниченко Валентина Григорьевна (д. Синегорская)

Хорошо помню жизнь в оккупации. В д. Гороватка жили родственники отца – семья его родного брата Николая Макаровича Николаева, и мама отправила меня туда на выживание, ибо в деревне, все же, что – то было из еды. Когда партизаны досадили немцам, то они вывели всех жителей и по каким – то своим вычислениям начали расстрел жителей. Меня эта участь минула, а мама, узнав о случившемся побежала за 20 км за мною, но я уже бежала навстречу.

Очень хорошо помнятся эпизоды из девятимесячной оккупации немцев по линии Витебск – Малые Калинковичи. В нашем доме по ул. Чкалова стоял отряд немцев из 18- 20 человек. В одной половине жили немцы, во второй меньшей стояла русская печь, кровать на которой спал немец - офицер и стол. Я, мама, брат Василий и бабушка Елена ютились на печи и возле нее, в подпечке жили две курицы. Рядом с домом всегда было много машин. Особенно мне запомнился старый немец - кладовщик. Он ругался на бегающих детей и, имитируя злобу, швырял в них конфетами - леденцами. Он часто вздыхал и показывал фотографии своей жены и детей. Этот же немец носил нам хлеб, искусственный мёд и делал вид, что пьёт воду из деревянной дежки в углу, а сам прятал туда принесенную еду. Приближался 1944 год, и нас выселили из дома в небольшую баньку, добрый немец продолжал нас подкармливать. В доме появился новый пузатый офицер в очках. В районе пекарни немцы вели торфозаготовки, а недалеко, где сейчас ул. Заслонова и дома 26,28,30,32 – была немецкая нефтебаза. Однажды советская авиация стала ее бомбить. Все выбежали смотреть. Мама испугалась, схватила меня за руку и потащила к бане.

Наши наступали, немцы ужесточили режим и были сильно озлоблены. Вырубали лес, может для вывоза в Германию, может для сооружения оборонительных сооружений, а все ветки и сучья складывались вокруг лесного массива от места, где сейчас здание областной туберкулёзной больницы до бывшей базы хранения аммиака. Эти ветки создавали непроходимую трещащую преграду по пути к лесу, а в лесу про это мы узнали уже после освобождения, были немецкие артиллерийские склады и склады прочего военного имущества.

Подалинский Анатолий Николаевич (д. Шинково)

Родился в д. Шинково Сенненского района. До начала войны работал в колхозе на стройке. В 1940 году призвали в армию. Служил в среднеазиатском военном округе в танковых войсках 145 разведывательного батальона. Во время сражения под Иржевом получил первое ранение. Воевал под Ельней. Во время отступления попал на формирование. Пришлось воевать под Москвой, Брянском, Смоленском, на Орловско - Курской дуге, где получил два ранения. Три месяца лечился. После госпиталя в боях под Вислой получил третье ранение в голову. Немного оправившись в Харьковском госпитале, снова вернулся на фронт. В Польше опять ранили. Лечился в Мариерден. Победу встретил в Кёнегсберге в санитарно - разведывательном батальоне, откуда и комиссовался. За время службы был награжден медалью «За боевые заслуги», «За отвагу», «За Победу над Германией», орденами «Красной звезды» и «Отечественной войны». После войны вернулся в родные края. В Сенно отучился на киномеханика и проработал им до пенсии. Неоднократно награждался памятными значками и грамотами за хорошую и добросовестную работу.

Подъелец Вера Васильевна (д. Синегорская)

В начале войны пришли гитлеровцы и сожгли деревню Заозерье. Штаб немцев размещался в школе. К ним на работу устроился директор школы, который был подпольщиком. Когда он узнал, что деревню будут бомбить самолеты, то предупредил всех, и жители спрятались в лесу, вынесли туда одежду, еду. В нашем доме расположились немцы, поставили там шкафы с документами.

Когда немцы уходили из деревни, то забрали с собой всех мужчин, а также увезли соседскую девочку 14 лет. Меня мама спрятала в ящик, где хранилась картошка, заложила ветками и закрыла крышкой. Позже вместе с мамой мы помогали партизанам. А вообще с нашей деревни с войны не вернулось около 20 человек.

Ронина Анна Михайловна (г.п.Богушевск)

Родилась 31 мая 1930 года в Витебске. Перед войной умер отец. Мать, на почве такой неожиданной потери, заболела и была помещена в психиатрическую больницу. Нас с сестрой забрали в детдом.

Временами маме становилось лучше, и ее выпускали из больницы. Тогда она приходила в детдом и требовала, чтобы нас ей вернули. Но потом опять наступало ухудшение и ее отправляли в больницу. Накануне войны нас перевели в детдом г. Полоцка.

Когда началась война, детдом эвакуировали. Но не всех. Так получилось, что нас, 7 детей оставили. Как это случилось, я не знаю. Но факт остаётся фактом – мы остались на оккупированной фашистами территории. Если ещё добавить, что детский дом был еврейским, то каждый поймет весь трагизм ситуации.

И вот наша отчаянная семерка бродила с июля 1941 года до середины 1943 по дорогам, тропинкам, леса, добывая себе пропитание. Оборванные, почти босые, грязные (помыться удавалось только летом и то ночью в какой – нибудь речушке или озере, когда никто не мог застать врасплох, выдать или схватить). Два года жили подаяниями среди чужих людей. Но приютить, даже поодиночке, люди не решались: за укрывательство еврея расстрел!

Ночевали в стогах, иногда удавалось переночевать на сеновале. А уж если повезет – в сарае с коровой или свиньей. Но это было редким счастьем.

Я была одной из младших. Меня мазали сажей и заставляли молчать – слишком характерным было гассирование. «Ты, Анька, глухонемая!»

В одну из ночей началась сильная стрельба. С перепугу дети бежали кто куда. И в этой заварухе я осталась одна. Еще с неделю поскиталась, ребят не нашла. Донимал голод. Решила, чем такая жизнь, лучше умереть, и пошла по дороге в деревню. На пути повстречался старик – цыган. Спросил: «Куда ты?» - «В деревню» – «Там немцы, убьют!» - «А мне все равно...» Все же цыган

остановил, не пустил на верную гибель, забрал с собой. И вот еще пришлось бродить год по дорогам Витебщины. Могли в любой момент погибнуть, но судьба распорядилась иначе: пришло долгожданное освобождение Беларуси. Лишь только оказалась на освобожденной территории, тут же уехала за Урал, казалось, что там будет хорошо, ведь там войны не было.

Прошло несколько лет, и снова вернулась на Родину. Тогда и узнала, что маму убили немцы прямо на улице. Сестру так и не нашла. Надо было продолжать жить, пошла работать на «ЗИ», но негде было жить, и тогда переехала в Богушевск, вырастила сына и дочь, подрастают внуки.

Солодкин Иван Афанасьевич (д. Лукьяново)

Про первые дни войны помню обрывками. Сбор был в деревне Королевичи. Машины выехали в Сенно за снарядами. Одна дивизия осталась в Озерецке. В скором времени все три наших батальона были разбиты. Оставшихся 100 человек отправили в Богушевск. Шесть суток мы туда шли голодные. 20 моих боевых товарищей по дороге умерли...

Затем был в партизанах. Воевал на озере Палик на Березине. Во время операции «Багратион» в составе действующей армии освобождал Минск, Брест. Так дошел до Кёнигсберга. День Победы не забуду никогда: ракеты осветили все небо. Ура!!! Победа!!! Дали нам по 100 грамм спирта, тушенки 750 грамм на три человека, а хлеба – бери, сколько хочешь...

Домой пришел только в 1947 году.

Стриганков Виктор Ильич (д. Беленево)

Когда началась война, мне шел 17 год. Школу в д. Нерейша занял немецкий гарнизон. Учебу пришлось оставить и пойти воевать с врагами. Попал в Лиозненскую партизанскую бригаду, которая проводила военные действия на территории нашего района. Где мы только не были! И железные дороги минировали, и засады устраивали, да и сами на засады нарывались, на задания ходили в Дубровенский район.

В 1944 году вблизи д. Куповать, на озере Палик, партизаны выполняя очередное задание, были окружены немцами, многие товарищи погибли. Я попал в плен и был вывезен в Германию в город Люккенвальд, где находился концлагерь для военнопленных. Не дай Бог такого никому...

В марте 1945 американские войска бомбили Люккенвальд и лагерь попал под обстрел. Вскоре в город вошли советские войска. После моего освобождения командование сделало запрос в Минск по поводу подтверждения личности. Ответ из Минска пришел положительный, и меня зачислили рядовым в 23-й танковый полк. Однажды, недалеко от Берлина, наш танк наехал на мину. От сильного взрыва машину опрокинуло, а меня контузило. Две недели пролежал в полевом госпитале. Там и застала радостная весть о Победе.

После Берлина полк, в котором я нес службу, воевал в Югославии, где добивали фашистскую нечисть. В 1947 году был демобилизован и первым из мужчин вернулся домой в родное Беленево.

Смирнов Дмитрий Васильевич (г. Сенно)

5 июля 1941 года фронт приблизился к подступам города Сенно, а 6 июля город заняли фашисты. Когда началась война, мне было 9 лет и многое из той поры навсегда сохранилось в памяти. В городе и в районе шли кровопролитные бои, однако, в этих ужасных условиях продолжал подпольно действовать райком партии, работали две хлебопекарни (одна находилась там, где и сейчас, а вторая на ул. Красноармейской), почта, больница, колхозы. Руководство всеми структурами осуществляли военные. В одной из хлебопекарен работал и мой родной дядя Чернявский Владимир Николаевич. Он рассказывал, что хлеб пекли даже тогда, когда фронт стоял возле больницы. Семья дяди жила в то время в д. №15 по Красноармейской улице. Его жена Нина Гавриловна все время находилась дома с малолетними детьми. Боясь за них, она не могла выйти из дома даже для того, чтобы навестить свою мать, живущую на конце ул. Галынка, или выехать в ближайшую деревню. Тетина мама Мария Федосовна Алейникова была инвалидом (помню, у нее был протез из простого коромысла). Однажды, увидев пламя возле родительского дома, тетя побежала туда и увидела родной дом, окруженный бронетранспортерами, и подпертую фашистами дверь. Так заживо сгорела Мария Федосовна, а вместе с ней и четыре раненых красноармейца, которые прятались у нее в доме. Тетя Нина в послевоенные годы говорила: «Моя мамочка сгорела на моих глазах, а я ничем не могла ей помочь».

Во время оккупации дядя Володя имел связь с партизанами: шил им сапоги. Материал ему поставляла из Сенненского детдома Галина Владимировна Таберко. Ремонтировал дядя и мои ботинки, наверное, они и были последними перед уходом на фронт. Отчетливо помню, как мы с ним шли в центр города по длинной ул. Ворошилова, и дядя Володя при встрече со знакомыми говорил: «Ухожу на фронт. Хватит сидеть. Ухожу защищать Родину». К этому времени у тети Нины уже родился четвертый ребенок Чернявский Фёдор.

Троян Наталья Константиновна (г. Сенно)

Мои родители – дети военного времени. Когда началась война, моему отцу было 7 лет, его отец, мой дедушка, ушел воевать на фронт, оставив папу за старшего. В семье кроме отца было еще три дочери.

Отец сразу стал работать в колхозе, пас коней, пахал вместе с женщинами, косил, жал – делал всё для того, чтобы выжить в тех условиях, а еще, если удавалось, воевал с фашистами. Фашисты в Новом селе появлялись часто, ведь деревня по тем временам была бойкой. Отец рассказывал, что жить во время войны было голодно страшно. Днем в деревне орудовали немцы, но, боясь партизан, уезжали в свою управу в Сенно на ночь, а ночью появлялись партизаны. Однажды, партизаны еще не успели уйти из деревни, как нагрянули

немцы. Один боец вскочил в сени дома моей бабушки, отцу ползком пришлось проводить его до леса. В другой раз отец решил отомстить немцам только за то, что они немцы. Он влез на большое дерево и оттуда из обычной детской рогатки стал стрелять по немцам. Но беда пришла быстро: он попал в лоб одному из их начальников. За что вначале отвезли в комендатуру, а затем заставили убирать в конюшне, мести деревенскую улицу.

Когда приходили письма от деда, вся семья радовалась. Последнее письмо, как утверждал отец, пришло из Восточной Пруссии, а вслед за ним пришла похоронка «умер от ран в госпитале». Много лет в день смерти деда 10 февраля 1945 года отец поминал и с искренней жалостью говорил: «Всего три месяца и победа»

Моя мама родом из Дубровно. Летом, в середине июня, большая семья Лобачевых (семья моей бабушки по материнской линии) собралась там, в доме сестры Елизаветы. Все приехали посмотреть на ее младшую дочь Светлану, которой еще не было и года, моих деда Горбачева Данилу Лукьяновича и бабушку Елизавету Васильевну. Приехали все братья и сестры Лизы: Мирон из Новосибирска, Тамара, из Усть-Каменогорска, Люся, из Минской области, Анна и Анастасия жили тут же в Дубровно. Анастасия жила в семье Лизы, она была немая, помогала бабушке растить детей. Семья деда и бабушки была гостеприимной, все по приезду останавливались в большом доме на ул. Рыбной, который стоял на берегу Днепра. Но встреча родных была недолгой, 22 июня 1941 года началась война. Мирон на правах старшего и самого образованного (инженер Новосибирских путей сообщения), предложил всем ехать к нему, но никто не согласился. Добравшись до Орши, они поняли, что другого пути как на запад у них нет. Мирон забрал к себе семьи Тамары и Люси, Иосиф (в то время учился в летнем училище в Минске) обратился в Оршанский военкомат и ушел на фронт, воевал, был военным лётчиком, летал в «Нормандии– Неман». Прошел всю войну.

Люся, оставив троих детей в Копыльском районе, ничего не зная о них всю войну, трудилась на оборонных заводах в Сибири.

Лиза Анна и Анастасия остались в Дубровно. В первые часы после объявления демобилизации, Даниил Лукьянович, отец моей матери, ушел на фронт. Мама помнит, как он забежал на несколько минут домой, плакал и просил Лизу сберечь себя и детей. Через 2-3 дня Дубровно бомбили немецкие самолёты. Бабушка Лиза вместе с детьми и сестрой Настей укрылись во рву, который был в конце улицы, на склоне к Днепру. В дом Грбачевых попал снаряд. В чем выбежали из дома, в том и остались Лиза и дети, а дом сгорел. Дальше для семьи Горбачевых и всех жителей правой стороны Днепра началось самое страшное. В город вошли немцы. Дубровно им нужно было для того, чтобы проложить путь на Москву. В одночасье всех жителей правого берега Днепра стали выгонять из города, кто не хотел идти – расстреливали. Моя мама, пятилетняя девочка, ее трехлетний брат Вячеслав и годовалая Светланка вместе с бабушкой и ее сестрой Настей отправились под дулами немецких автоматов из города. Не зная тогда, что это на долгих 3 года. Их путь лежал к Орше. Там немцы планировали кого угнать в Германию, кого на принудительные работы, а кого расселить по белорусским хуторам. Бабушка несла Свету, Настя – Славика, а старшая Томочка шла сама. Пройдя по первой

деревне Крашевно, а там есть речка, вся толпа бросилась к воде. Раздалась пулеметная очередь, бабушка с детьми и Настей ускользнула от немецких глаз, укрылись в хмызняке, но один из немцев увидел и стал их выгонять. Бабушка сумела кое-как ему объяснить, что за жизнь отдаст ему свои драгоценности: золотые кольца, серьги и монету, которые у нее были при себе, и немец их отпустил. Под покровом ночи бабушка с детьми вернулась домой. На следующий день немцы опять «чистили» Дубровно и бабушку вновь выгнали из города в Оршу, а там как скот рассортировали, втолкнули в вагоны и отправили кого куда. Мои родные попали на хутор недалеко от Плещенец. Там жили в невыносимых условиях, из-за чего сильно болели. Первой заболела тифом и умерла Настя, затем маленькая Светочка. Вспоминая эти ужасы бабушка всегда говорила: «Ну вот, не сберегла я всех детей, как просил Данила». Вскоре заболел Славик и Тамара. То ли от голода то ли от холода, их маленькие тельца превратились в одно большое пятно с нарывами на плечах, боках, ногах, следы от которых остались до сих пор.

Все годы войны ничего не знали близкие о судьбе деда Данилы. Только возвратясь в 1944 году в Дубровно узнали, что он пропал без вести при обороне на подступах к Москве.

После войны моя бабушка Елизавета Васильевна Горбачева, всю жизнь мечтала найти могилу своей дочурки Светланы, но так и не нашла. Кладбище военных лет сравнивали с землей. Теперь моя мама Володкевич Тамара Даниловна, мечтает найти могилу своего отца, хотя съездить туда у неё вряд ли хватит сил. Война для нее не закончилась 9 мая 1945 года, она осталась в судьбе ее семьи до сих пор.

Халецкая Надежда Яковлевна (д. Яново)

На мою долю, как и на долю миллионов советских людей выпали очень тяжелые военные испытания. Пришлось пройти три войны.

Родилась в деревне Пашково Богушевского района в 1919 году. После окончания восьмилетки поступила в Витебское медицинское училище, окончив которое в 1939 году получила профессию медицинского фельдшера. Распределили меня в Оршанский район. 8 сентября 1939 г. вручили повестку в военкомат, откуда направили на санитарный поезд. В этом поезде вместе с другими медработниками отправилась на свою первую в жизни войну – войну за освобождение Западной Белоруссии и Украины.

В 1940 году снова получила повестку на Советско- Финскую войну. Сборы прошли очень быстро. И вот, я снова в районе боевых действий. К великой радости эта война быстро закончилась, тогда казалось, что все позади – наступило мирное время. Но оно продлилось совсем недолго 22 июня 1941г. началась самая страшная – Великая Отечественная война. И я в третий раз получила повестку на фронт. Попала в 19-ю армию, где прослужила до конца войны. Однажды наша часть попала в окружение. Вопросы сдаваться, или пробиваться к своим даже не возникло. Очень долго пробивались к фронту и только 11 января 1942 года встретились с основными частями. Затем я, в качестве медработника, сопровождала эшелоны, которые шли на фронт. Во

время одной из бомбежек в 1943 году под Харьковом получила ранение в колено.

В 1945 меня отправили в Москву в отдел кадров и распределили в часть 363 стрелкового полка.

После долгожданной Победы стали добираться поближе к родной стороне. Приехали с мужем на Сенненщину, обустроились в деревне Яново.

Шарпило Ольга Максимовна (д. Городец)

Родилась я 27 декабря 1922 года. С детства мечтала о медицине. После окончания семилетки поступила в Витебскую фельшерско- акушерскую школу, которую закончила в 1939 году. Война для меня началась в сентябре 1939 года. Меня семнадцатилетнюю направили начальником дезинфекционного отдела бронепоезда. Когда началась Великая Отечественная война при первой возможности перешла к партизанам. Попала в партизанский отряд «Победа» бригады имени Костантина Заслонова. Тут встретила свою любовь. Василий Шарпило был командиром взвода. Когда его ранили, то сама вылечила и выходила. Не раз могла погибнуть и сама. За время войны дослужилась до капитана медицинской службы. После соединения с частями Красной Армии Василий продолжил службу в разведке. Был в Кёнигсберге, Берлине. Свой военный путь завершил в Праге.

После возвращения с фронта мы сыграли свадьбу. Наверное, у нас был ангел - хранитель, который сохранил нас друг для друга от смерти. Послевоенная жизнь тоже не была лёгкой: голод, разруха. Но мы все выдержали. Вырастили 9 детей.

*Помните! Через века, через года,- помните!
О тех, кто уже не придет никогда,- помните!
Не плачьте! В горле сдержите стоны, горькие стоны.
Памяти павших будьте достойны! Вечно достойны!
Хлебом и песней, мечтой и стихами, жизнью просторной,
Каждой секундой, каждым дыханьем будьте достойны!
Люди! Покуда сердца стучатся,- помните!
Какою ценой завоевано счастье,- пожалуйста, помните!
Песню свою отправляя в полет,- помните!
О тех, кто уже никогда не споет,- помните!
Детям своим расскажите о них, чтоб запомнили!
Детям детей расскажите о них, чтобы тоже запомнили!
Во все времена бессмертной Земли помните!
К мерцающим звездам ведя корабли,- о погибших помните!
Встречайте трепетную весну, люди Земли.
Убейте войну, прокляните войну, люди Земли!
Мечту пронесите через года и жизнью наполните!..
Но о тех, кто уже не придет никогда,- заклинаю,- помните!*

Р. Рождественский

Сенненская центральная районная библиотека

г. Сенно, ул. Советская, 9

телефон: 8 02135 4 18 36

эл. почта: bibliosen@vitebsk.by

сайт: <http://cbs-senno.by/>